

Юрий Казарин

Культура поэзии: непобедительный верлибр

Визгливые струи
любви деревенской
к горе подступили –
и смята, как шапка, гора.

Это – стихотворение Сергея Кабакова, которое я знаю и люблю больше тридцати лет. Ни разу за эти годы я не задавался вопросом о том, как организован этот текст просодически, ритмически, интонационно и т.п. Почему? Видимо, потому, что стихи (а это – точно – стихи) хорошие. Сильные. С огромной энергией. С внутренним жестом – широким, с разрубанием воздуха ребром незримой ладони. Но подсознательно всегда знал, что стихотворение-миниатюра содержательно и интенционально очень похоже то ли на хайку, то ли на танка. Хотя... Если изменить графическое строение текста, опираясь на стандарт четырехстопного амфибрахия, – то стихотворение окажется двустрочным:

Визгливые струи любви деревенской
к горе подступили – и смята, как шапка, гора.

Можно и разорвать этот дистих и выстроить трехстишие:

Визгливые струи любви
деревенской к горе подступили –
и смята, как шапка, гора.

Возможен и другой вариант: набрать текст одной прозаической строкой. Или переразложить графику текста таким образом:

Визгливые
струи любви
деревенской
к горе подступили –
и смята,
как шапка, гора.

Это уже похоже на хлебниковские невысокие сталагмиты коротких стихотворений.

Стихотворение нерифмованное, и отсутствие рифмы как фонетико-интонационного и музыкального-смыслового узла дарует тексту полную

свободу в рамках вольного русского синтаксиса (в неопределенной связи интонации со строфостроением) и в объеме дюжины слов значимых и функциональных.

Итак, что же важнее здесь: отсутствие рифмы? Свободное строфостроение? Амфибрахический четырехстопник, склоняющийся к прозаизации стиха и интонации?.. Из четырех предложенных мной графических вариантов (авторского и трех моих реконструкций) первый (канонический) имеет явно выраженный сказовый характер; второй абсолютно силлаботоничен; третий звучит как верлиброид; и четвертый – верлибр. Появление этих вариантов (а их, естественно, может быть больше) обусловлено прежде всего отсутствием рифмы (как полного или частичного созвучия опорных, ключевых, конечных/срединных/начальных слов в стихотворной строке).

Семантические/смысловые рифмы в этом тексте есть (визгливые – деревенской; струи – подступили; любовь – струи; гора – шапка; шапка – смята и т.д.), но они неизбежны как следствие смыслостроения любого художественного (прозаического, драматургического и проч.) текста. Рифма (формальная, формально-смысловая и семантическая) – явление языковое, а в русском языке еще и словообразовательное, морфемное.

Сколько рифм в нашем языке?

Возьмем около 30-50 тысяч аффиксальных морфем, около 300 тысяч их вариантов (морфов). Умножим все это на количество корневых морфем (около 1 миллиона), - затем умножим полученное число на количество возможных падежных форм и форм спряжения с учетом форм степеней сравнения, - затем полученное число умножим на число возможных формально-грамматических, лексико-грамматических, лексических, лексико-смысловых, лексико-концептуальных вариаций, - затем полученное число умножим на число возможных стилистических, диалектных и заимствованных лексических вариантов, - затем прибавим к полученному числу возможное количество неологизмов, окказионализмов и потенциальных слов (с учетом детского лепета, языковой игры и поэтической зауми) - и, наконец, умножим полученное число на количество носителей русского языка, имеющих стихотворный дар. И получим чудовищно огромное число, стремящееся к бесконечности. В рифмическом отношении наш язык неисчерпаем в силу его деривационной мощи (флективности) и высокой словообразовательной способности русской языковой личности.

Поэтический текст имеет – одновременно – три плоти, три материальные формы своего существования (метафизические формы стихотворения я здесь не затрагиваю): первичная – звуковая; вторичная – графическая; третичная – мультимедийная. Человечество онемевает. Оно теперь пишет. Переписывается. Изготавливает message. Информировывает. Сочиняет.

Конструирует тексты. Реконструирует. Обновляет чужие, известные тексты. И т.д. Сегодня графический облик поэтического текста явно доминирует. Однако произнесение стихотворения в устах одного и того же человека очень вариативно (вспомним, как читал свои стихи Блок – так читают вслух газеты; Бродский произносил свои тексты как псалмы, проглатывая мучительно и с удовольствием шпаги бесчисленных анжанбеманов; Ахматова – гудела свои стихи; Маяковский – рычал; Есенин – ныл; Тарковский – доверительно рассказывал – и т.д. и т.п.) Любое стихотворение можно прочитать так, чтобы оно звучало как текст прозаический, драматургический или стихотворный/поэтический – поочередно или синтетически одновременно.

Сегодня в устном воспроизведении текста преобладает нарративность, повествовательность (спасибо опять же Бродскому). Почему? – Потому, что основной формой существования стихотворения стала графика. Книжная культура редуцируется. Посткнижная – крепнет. И компьютерно-интернетная сфера чтения и письма порождает новые невиданные вербальные кентавры: рече-текст, стихо-проза, стихо-эссе, рече-игра, и др. Интернет-речь/интернет-текст – это новое развитие тотального социального монолога (М.Бахтин) с ожидаемым диалогическим разрешением и результатом. Все известные системы русского стихосложения (и ведущие – тонические) до появления интернет-письменности находились в изолированном – от обиходно-речевой сферы – состоянии.

Язык в целом равнодушен к стихотворческим стандартам, и тексту - «все равно», из какого материала он «сделан». Более того: поэзия может быть уловлена, выражена или «выжата из языка» любым способом и образом: от аудио-визуальных до вербальных технологий. Поэтому наряду с традиционными тоническими стихами существуют и верлибр, и танка, и свободный стих, и белый, и стихотворение в прозе. Такое многообразие стихотворных методик никак не зависит от жанровой специфики того или иного сочиняемого текста. И вообще, русский язык и русское текстотворчество/стихотворчество сохранили все возможные способы стихосложения: силлабику (редкий случай, но верлибр как раз опирается на прозостроительные и силлабические основы), тонику (все виды ударного стиха, дольника, неправильных трехсложных размеров etc), силлаботонику (с огромным числом вариантов и вариаций, редуций и наращений метра, рождающих новые ритмы), свободный и белый стих (первоисточник стихотворного нарратива), верлибр (стихотворение в прозе или свободный от тоники стих), юго-восточноазиатские формы стиха (танка, хайку etc) и другие виды гибридного характера.

С завершением Серебряного века русской поэзии в обществе и в околкультурных сферах говорили (и до сих пор говорят), что: 1) поэзия умирает, и о том, что 2) верлибр вытесняет и в конце концов вытеснит тонические стихи. Первое утверждение/предположение явно отягощено

полисемией: а) умирает стихотворчество? - Нет, это абсурдное мнение: поэтическое мышление свойственно всем или почти всем носителям языка и культуры в детстве (особенно); б) умирает поэзия как таковая? – это невозможно: поэзия есть связь всего со всем, связь духовная, душевная; в) поэзию убивает технологическая и комфортная цивилизация? Думаю, цивилизация прежде всего убивает себя (культура и цивилизация сегодня, в XXI веке, - разные, оппозитивные сущности); г) поэзия гибнет, так как ее нельзя продавать? - Слава Богу, душа не товар и т.д.

Второе утверждение/предположение является, безусловно, актуальным в хронологическом отношении.

Хронос: верлибр был всегда (с той или иной силой ритмизации текста) – это и речевые жанры (по М. Бахтину), например, признание в любви; это молитвы, монологи (публичные, особенно внутренние), это и весомая часть сказового фольклора. В русской литературе верлибр существует в эпистолярном виде века (например, переписка Ивана Грозного с Курбским, многие тексты Н.М. Карамзина etc), а может быть, и около 1,5 – 2 тысяч лет (минимум тысячу лет: Моление Даниила Заточника, жанр Слово, Слово о полку Игореве etc).

Последние 30-40 лет русский верлибр окреп и стал одним из ведущих методов стихосложения наряду с силлаботоникой. Современный верлибр испытывает очевидное влияние западноевропейской верлибристики, да и мировой в целом. Модно? – Да. Легче и проще? – Да. М.Л. Гаспаров, выдающийся филолог и поэтолог, называл верлибр подстрочником ненаписанного стихотворения. Остроумная дефиниция. Но, если взглянуть на эту проблему серьезно, то верлибр изначально есть явление речи, а не языка (есть язык поэзии и поэтическая речь – сущности разные). Речевое мышление вслух и графически. Мысли вслух. Поток сознания (в прозе). Поток сознания в поэзии – это потоп, или - потоп сознания. В современной (да и ранней) поэзии есть замечательные верлибры и верлибристы. Но вернусь к мысли о вытеснении верлибром силлаботоники и тоники вообще.

Любое стихотворение есть подстрочник поэтического архетекста (главного текста, или – самой поэзии), или – метатекста, метастихотворения, которое ощущают все (и оно существует всегда и везде), а слышат и записывают его немногие. Записывается таким образом некий текст-палимпсест, под верхним вербально-смысловым слоем которого мерцает текст истинный, текст невербальный, текст-поэзия, или – поэзия-текст.

Одним словом, любое стихотворение есть субстрат поэзии, или апокрифический текст поэзии, апокриф.

Поэзия - это нечто плюс человек, это самостоятельная сущность, имеющая множественную природу духовного, эстетического, функционального характера (связь всего со всем, но прежде всего прекрасного с ужасным, которые в свою очередь связываются с миром, человеком и текстом).
Перевод поэзии на/в язык – действие непознаваемое. Результатом процесса такого перевода оказывается текст, поэтический текст. Стихотворение.

Еще раз повторю: главное в стихотворении, вообще в тексте, – что сказано, а не как это сделано. Поэтов, которым есть что сказать, не очень заботит выбор (или приход) формы произносимого: здесь с поэтом работает заодно гармония. Есть поэты, которым нечего сказать – они работают на повторении того, что уже сказано другими, а также экспериментируют с формой, превращая то, что должно быть поэзией, в искусство. Поэзия, я уверен, не литература и не искусство - так же, как пихта, растущая в уральском лесу на берегу Чусовой, не является фактом фитодизайна таежного типа. Пихта есть сама по себе красота, потому что живая. И потому что она – дерево.

Сочинить можно все и как угодно (рынку, соседу, моде, мэйнстриму etc). Поэзию не сочинишь. Но если она приходит к кому-то, то этот кто-то (поэт? стихотворец?) начинает активировать в себе одновременно поэтическую (стиховую) и языковую способность. Русский язык «технологически» очень разнообразен, вариативен и «богат». В отличие от английского, французского, польского, чешского и др. языков, - русский имеет подвижное, разноместное и очень вариативное ударение, которое, функционируя в односложных, двусложных, трехсложных и более-сложных словах (а в лексической системе русского языка наблюдается силлабическое [количественное по числу слогов в словоформах] равновесие слов «коротких», «средних» и «очень протяженных» по своей слоговой длине), способно в рамках одной словоформы перемещаться и попадать на гласный любого слога (голова́, го́ловы, голо́вка, головно́й, головéшка, голо́вушка – или до́м, до́ма, дома́, доми́шко, до́мик, домово́й и т.д.). К тому же русский язык флективен (в отличие от английского), крайне деривативен и имеет абсолютно свободный синтаксис (опять же в отличие от английского). Поэтому простой арифметический подсчет показывает, что силлаботоника не исчезнет, а верлибр не вытеснит акцентный стих - в рамках, естественно, русского стихосложения. Гибели ямба не предвидится. Споры об эффективности той или иной системы стихосложения, как правило, происходят в зоне моды, эксперимента или эстетической ограниченности. Поль Валери как-то сказал: синтаксис – душа поэзии. Русская синтаксическая душа поэзии как феномена мирового, и вообще космического, очень широка. В поэтическом тексте (любом: в верлибре, в акцентном стихотворении) – безмерна.

Тексту все равно, из какого языка он вышел. Поэтому стиховая свобода поэтического текста (любого: написанного на 5000 языках планеты Земля) крайне высока; поэтологически верлибристика вполне функционально синонимична силлаботонике, вообще акцентологичности стиха. Грубо говоря, ямб и верлибр взаимозаменяемы, так как они являются функциональными близнецами, дублетами. Выбирай - что душе ближе.

Вот два стихотворения. О смерти. Правда, в разных ее фазах, но... Смерть есть смерть.

Олеся Сурикова (верлибр)

Ко мне приходят во сне голубоглазые нежные финны,
Что-то лопочут на своем —
Будто кашу жуют, тихо, улыбаясь.
А это они о смерти.

А это они о смерти, она
Перекачивается в их чужих ртах,
Как лесная ягода.
Сплю да сплю — спина
Вся мокрая, умирать не страшно,
Просто одеяло тяжелое.

Мое одеяло тяжелое,
Как крышка гроба,
Как сырая черная северная земля.

На этой земле мне придется узнать еще много горя.

Это строфированный верлибр, графически структурированный вполне традиционно. Во второй строфе первая и четвертая строки рифмуются: она – спина. Однако ни графика, ни одиночная (случайная?) рифма никак не прикрывают в этом тексте его верлибрическую природу.

Сергей Шестаков (силлаботоника)

зелена рубаха черны глаза
позвонки круты угловата стать
широко небесная шла фреза
не таким тебя представляла мать
и в руке булат а в другой камедь
скоро сеять значит потом полоть
на губах еще не обсохла смерть
и немного жмет с непривычки плоть

Это традиционное восьмистишие: восемь строк – оптимальный объем для стихотворения элегически-медитативного характера. Текст в метроритмическом отношении содержит в себе упорядоченное чередование трехсложных размеров (анapest – амфибрахий) или трехсложного с двусложным (анapest – ямб). То есть, чистая силлаботоника.

Орфографически два данных текста явно дифференцированы, причем, нетипичными феноменами употребления прописных и строчных букв: в верлибре каждая строфированная строка начинается с прописной (вполне традиционно для силлаботонического стиха), а в силлаботоническом стихотворении прописных букв нет вообще (типичная модернизированная графика).

А теперь я задам себе некорректный вопрос: какое из двух однотемных стихотворений - лучше? интереснее? убедительнее? подлиннее? страшнее? прекраснее? и т.д. – и отвечу: оба стихотворения великолепны. Они – суть функционально-смысловые близнецы. Два разных типа просодии в обоих текстах эффективны и крайне результативны. Две разные музыки, хотя языковая музыка – одна: русская.

Музыка поэзии интернациональна. Культура же поэзии в большей степени соотносится не с языком, а с традицией. Традиционным можно считать нечто актуальное, имеющее прошлое, или – память. И верлибр, и силлаботоника одинаково традиционны. Правда, верлибр старше, тогда как силлабические стихи произошли из русской тоники и европейской (польской, латинской) силлабики и силлаботоники, - таким образом, русской силлаботонике чуть больше трехсот лет.

И последнее. Несколько слов о множественной природе текста в сфере его порождения, восприятия и функционирования. Любой текст представляет собой внутритекстовую метапарадигму, т.е. существует в своих природно-авторских, замысловых, реализуемых и воспринимаемых вариантах. Одним словом, тот или иной текст одновременно функционирует в нескольких (минимально семи) статусах/ипостасях. Вот они:

1. Архетекст (главный, божественный, идеальный, совершенный, абсолютный текст как ориентир для текстотворчества).
2. Текст-промысел (авторское ощущение архетекста).
3. Текст-замысел (планируемый текст).
4. Реализованный текст (текст, созданный тем или иным автором).
5. Опубликованный текст (текст в культуре, осваиваемый публикой).
6. Читательский текст (текст, специфически воспринятый читателем).
7. Оптимальный текст (адекватный восприятию читателем текста-промысла, текста-замысла и реализованного текста).

Не забудем и о том, что текст испытывает предтекстовое, затекстовое подтекстовое, сверхтекстовое состояния. Тексту, переживающему сложнейшие отношения с языком, речью, другими текстами, с пишущим и читающим его, с культурой, с литературой, с обществом, государством, etc, важнее всего быть и оставаться единицей этико-эстетической, цельной, связной, завершенной, и, главное, талантливой.

Поэтический текст, или стихотворение, - должен быть прежде всего текстом, а не верлибром или силлабо-тоническим стихотворением, - текстом, из которого, помимо всего прочего, произрастает культура поэзии.